

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 314.06

М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги

**РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ:
ИСТОКИ И ЭТАПЫ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

Статья подробно анализирует историю социологических исследований молодежи в СССР и современной России. Приведены данные социологических исследований, подкрепленные их качественным анализом.

Ключевые слова: *российская молодежь, социологические исследования, государство, история.*

М.К. Горшков,
академик РАН, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт социологии РАН (г. Москва).
E-mail: m_gorshkov@isras.ru.

Ф.Э. Шереги,
кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга (г. Москва).
E-mail: info@ru-research.ru.

© Горшков М.К., Шереги Ф.Э., 2012

М.К. Gorshkov, F.E. Sheregy

**RUSSIAN YOUTH: ORIGINS
AND STAGES OF
SOCIOLOGICAL STUDY**

The article analyzes in detail the history of sociological studies of youth in the Soviet Union and contemporary Russia. Data are presented case studies, backed up by their qualitative analysis.

Key words: *Russian youth, case studies, government, history.*

M.K. Gorshkov,
Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Sociology of RAS (Moscow).
E-mail: m_gorshkov@isras.ru.

F.E. Sheregy,
The Candidate of Philosophy, Director of the Centre of Social Forecasting and Marketing (Moscow).
E-mail: info@ru-research.ru.

© Gorshkov M.K., Sheregy F.E., 2012

Молодежь как объект обсуждений, похвал или порицаний старшим поколением – явление «вечное». Известны, например, находки французских археологов, относящиеся к первобытно-общинным временам, на которых значилось: «Не та нынче пошла молодежь». Однако самостоятельным объектом социологии она стала не многим более 100 лет назад. И все не потому, что социология сама по себе относительно молодая наука, а в силу того, что молодежные поколения смогли во весь голос заявить о себе как об основном структурообразующем факторе общества лишь на индустриальной стадии становления рыночных отношений. Именно на этой стадии обретают актуальность массовая ротация индустриального рабочего класса и, как следствие, усиление экономической конкуренции разных поколений, живущих в обществе. Ускоренная ротация становится актуальным не только среди рабочего класса, но и тех, кто, являясь собственником средств производства, идентифицирует себя с процессом накопления капитала. Длительный временной интервал и родственно-сегментирующие принципы наследования перестают удовлетворять ту часть молодежи, которая за счет научного прогресса сама может стать обладательницей сверхприбыли. Кроме того, значительное возрастание роли науки в производстве, стремительное расширение и интернационализация самого производства начинают востребовать огромную армию специалистов интеллектуального труда – инженеров, технологов, менеджеров, консультантов и др. – удерживающих свои позиции в конкурентной борьбе за счет перманентного образования. Иными словами, по мере развития буржуазного индустриального общества возникает потребность в сужении роли созерцательного анализа молодежи, опирающегося на внешние, филогенетические факторы как атрибуты процесса *социализации*, и придании приоритетной роли выявлению, как на это указывал Э. Дюркгейм, институциональных, внутренних (онтогенетических) факторов ее *самореализации* [1]. Естественно, оба эти процесса – органические составляющие социума, однако первый доминирует на стадии социального становления индивида, второй – на стадии его включения как личности в реализацию общественных и, прежде всего, производственных отношений.

В условиях индустриального общества самореализация молодежи, в первую очередь гражданская, в значительной степени «молодеет», для иллюстрации чего достаточно сослаться на зарождение в начале XX в. автономных молодежных движений, появление во второй половине XX в. общественных правозащитных организаций, ювенального законодательства, принятие международных конвенций по защите прав детей и подростков.

Механизм включения молодежи в общественные отношения, формирующие её мировоззрение, ценностные ориентации, гражданскую позицию, профессиональный и социальный статус, имеет две формы: а) *ин-*

теграция молодого поколения в культурные, нравственные, правовые, политические и идеологические традиции общества путём принятия ею господствующих социальных норм в качестве основы жизненных ориентаций, побудительных мотивов поведения; б) *дифференциация* молодого поколения по ячейкам социально-профессиональной структуры общества путём образовательной и экономической селекции, осуществляемой посредством профессиональной ориентации и профессионального образования. В результате социализации молодежь либо идентифицирует себя с господствующими социально-экономическими (в том числе распределительными) отношениями общества, и тогда бесконфликтное воспроизводство последнего гарантировано, либо по тем или иным причинам не идентифицирует себя с основными нормами общества (и идеологическими, и правовыми, и распределительными), отчуждается от них, и тогда назревает конфликт поколений.

В социологической трактовке демографический критерий не является основополагающим в определении молодежи, он используется, главным образом, для выделения возрастных границ объекта анализа. Сами же параметры возрастных границ предопределены «ломаными» границами замещения молодым поколением старшего поколения в процессе воспроизводства социальной структуры. Этим и объясняется тот факт, что в социологии нет фиксированной возрастной границы молодежи – ни нижней, ни верхней, ни в рамках общества как глобального образования, если говорить о международном разделении труда, ни в рамках отдельно взятого государства. Нижняя граница вступления в брак, обретения трудовых обязанностей, подверженности уголовному преследованию может различаться в разных государствах. В свою очередь, весьма подвижна и верхняя граница. Например, для молодой научной интеллигенции в России она определяется показателем 35 лет, в том числе для докторов наук – 40 лет, т. е. *оптимальным периодом профессиональной ротации в этой социальной группе*.

Тем не менее предложенное еще в середине 1970-х гг. И. Коном определение молодежи как социально-демографической группы, выделяемой на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, социально-психологических свойств, вполне приемлемо как инструментально-гносеологический подход к выделению объекта социологического анализа. Акцент на инструментальности приведенного определения оправдан тем, что с позиции социальной науки неправомерно выделять такое направление, как социология молодежи, по той причине, что молодежь сама по себе, как и пенсионеры, женщины и другие демографические группы, не является социальным институтом и посему не представляет собой предмет социологии [2]. Молодежь может выступать только в качестве объекта социологического анализа, как фак-

тический или потенциальный субъект всех социальных отношений. Следовательно, научно оправдано изучать молодежь в рамках всех направлений (отраслей) социологии, но без того, чтобы вырывать из контекста ее взаимодействие со старшим поколением, опосредованного идеологией, этическими нормами, регулятивными институтами общества [3].

Но даже в этом случае гносеологически продуктивно подходить к анализу молодежи *как к понятию*, подразумевая, что данная демографическая группа подпадает под такую градацию лишь до тех пор, пока выступает в роли конкурента старшего поколения в замещении последнего в распределительных отношениях (по содержанию) и в социальной структуре (по форме). Без соотнесения двух конкурирующих элементов социальной структуры: монополиста распределительных отношений – старшего поколения, с одной стороны, и стремящегося овладеть этим монопольным положением молодого поколения – с другой, понятие «молодежь» не имеет научного смысла. Одностороннее выделение молодежи только как демографической группы имеет не более чем идеологическое содержание, используемое в качестве критерия запрета, т. е. показателя границ, ранее которых эта группа не может претендовать на полноценное участие в распределительных отношениях и должна находиться в роли иждивенца или полуйждивенца (трудности карьерного роста, трудоустройства, сегрегация в оплате труда, наследование, потребление «запретного» продукта и др.). Это означает, что молодежь как объект социологии может иметь следующее определение: *молодежь есть научная категория для обозначения процесса воспроизводства распределительных отношений в своей всеобъемлющей (тотальной) определенности последних*. В более утилитарном смысле это означает процесс становления общественных отношений в совокупности их зарождения (биологическая стадия), формирования (социализация) и функционирования (закрепление статуса в общественном разделении труда). Во всех иных отношениях молодежь есть объект анализа других наук (психологии, социальной психологии, медицины).

То, что было отмечено, касается сути, основного содержания определения понятия «молодежь». Формы проявления данного понятия разнообразны и заключаются в механизме подготовки молодого поколения к участию, а в последующем – в реализации функций социальных институтов общества. Именно формы, в которых в конкретном контексте трактуется молодежь, и представляют собой предмет социологического анализа при ее изучении, ибо, будучи «эмпирическими» явлениями, они могут быть использованы как индикаторы межпоколенческих отношений в процессе самовоспроизводства общества.

Формы определения молодежи как объекта исследования обладают определенной степенью автономии, и порой кажется, что они и есть самостоятельный объект социологического познания. Но это так только в ста-

тике: пользуясь терминологией философии, при анализе *части* (например, можно отдельно анализировать яблоко как плод и яблоню как растение). Когда необходимо получить знания о функции *целого*, сделать это на основе анализа части невозможно, требуется объединение информации, полученной при изучении всех частей целого (иначе получится, что яблоко в природе существует только для того, чтобы его кто-то съел). Процесс образования, воспитания, социальная активность, девиация, профессиональная ориентация, обретение гражданского статуса и т.д. – все это разные по форме, но единые по своей социальной функции характеристики молодого поколения, кстати, не исключительно только ему присущие. Все они направлены на достижение и закрепление биологически и социально созревающим индивидом оптимальной для него позиции в распределительных отношениях (по Дарвину, в природных условиях выживания и, добавим к этому, облаченных в социальную «оболочку»).

Таким образом, *социологическая трактовка понятия «молодежь» есть производная от противоречия между поколениями, возникающего как результат усилий молодого поколения по вытеснению путем воспроизводства социальной структуры экономически более зрелого населения из господствующих распределительных отношений.*

По своей сути воспроизводство общества – это воспроизводство его профессиональной, затем социально-классовой, а в итоге – политико-идеологической структуры. Для краткости весь этот процесс замещения функционирующего общества новым можно назвать воспроизводством социальной структуры (в обиходе – сменой поколений). Полный цикл воспроизводства (обновления) социальной структуры общества в России занимает в среднем 40 лет, в том числе начальная стадия – 10 лет (от начала воспроизводства рабочего класса – с 16 лет – и до начала воспроизводства гуманитарной и научной интеллигенции – в среднем с 26 лет).

Социологическая интерпретация понятия «молодежь» позволяет соотнести ее с любым социальным институтом как с органическим структурным элементом общества, но *стержневым критерием выделения молодежи как объекта социологии являются распределительные отношения.* Это тот феномен, на котором строятся все социальные отношения, обретающие вещественную форму в социальных институтах, призванных быть «ареной» выполнения личностью социальных ролей. Последние придают ей статус, служащий основой реализации исторически обусловленных принципов распределения.

Жизненная траектория личности есть постоянное стремление к статусности, иными словами, стремление занять в социальной структуре общества, или в экономических терминах – в общественном разделении труда, тот статус, который обеспечивает наиболее благоприятную позицию в распределении общественных благ. Этим объясняется потенциальное

стремление основной массы молодежи на начальной стадии самореализации занять место в верхних стратах социальной структуры (вершина «социальной пирамиды»), проиллюстрированное В. Шубкиным в его исследованиях еще в конце 1960-х гг. [4]. Однако в последующем, независимо от природных способностей, молодежь распределяется в тех ячейках социальной структуры, которая сформирована объективно существующим уровнем общественного разделения труда. Последний же зависит от уровня технического и технологического развития экономики. Это замкнутый круг, вырваться из которого не всегда удается эволюционным путем. И когда новое поколение не удовлетворено принципами распределительных отношений, считая их социально несправедливыми, оно признает непривлекательной социальную структуру, утвержденную в обществе старшим поколением, и не стремится её воспроизвести. Более того, для молодежи теряется референтность многих институциональных групп, призванных формировать ценностную и социально-нормативную структуру личности. В свою очередь это ведет к расбалансировке устоявшихся форм потребительского поведения, смене в массовом сознании нового поколения идеологических парадигм и приоритетов социального поведения, в том числе форм самореализации в сфере производственных отношений. Неслучайно все социальные революции, преследовавшие смену экономических отношений, в том числе принципов распределения, всегда достигали своей цели, более того, возглавлялись молодыми. Это касается и радикальных социально-экономических реформ, осуществленных в России в 1990-е гг.

В процессе воспроизводства социальной структуры общества взаимодействуют две большие группы: та часть молодого поколения [5], которая включена в процесс профессиональной подготовки, т.е. как правило, проходит обучение в учреждениях профессионального образования (для Российской Федерации это сегодня 10,1 млн человек, или 31,5 % от общей численности населения в возрасте 15–29 лет [6]), и та часть экономически активного населения, которая занята в производственной и непроизводственной сферах, – 69,8 млн человек [7]. Именно эти группы, первая из которых призвана заместить вторую [8], перманентно находятся в состоянии противоречия, а порой и конфликта (пример – студенческие волнения в Европе в 1968 г. в период интенсивного технологического перевооружения экономики).

Из сказанного следует, что молодежь в социологическом понимании – это не биологический, а социальный субъект, и его возрастные границы исторически изменяются: в архаичных и экономически менее развитых обществах они относительно узкие, в экономически развитых обществах – более широкие. *Основной эмпирический критерий возрастных границ молодежи – временной интервал бесконфликтной ротации трудоспособного населения как экономически рентабельный период производ-*

ственной деятельности поколения. Следовательно, единого критерия определения возрастных границ молодежи не существует. Эти критерии могут различаться в зависимости от того, о поколенческом замещении (обновлении) какой структуры общества идет речь: воспроизводство семейных, политических отношений, общегражданских функций (отношение личности и государства) или правовых отношений (во многих странах граница взросления определяется нормами ювенального права).

До начала вступления в трудоспособный возраст говорить о молодежи как о полноценном субъекте производственных и распределительных отношений, в совокупности с населением старшего нетрудоспособного возраста как о носителях основного противоречия социальной структуры, можно лишь весьма условно. Обе эти группы с позиции общества – иждивенцы и как таковые не конкурируют с занятой частью населения (среднее поколение), хотя и оказывают на неё давление как участники потребления прибавочного продукта. Для детей и молодежи состояние иждивенчества этически оправдано «возвратом трудящимися долга родителям», а для пенсионеров – авансированием социальных гарантий на период выхода представителей среднего поколения из статуса производителя.

Изложенное выше – это общетеоретические положения, интегральные по содержанию, а посему не всегда с необходимой полнотой верифицируемые при помощи эмпирических показателей. Ведь каждая личность проявляет свою социальную идентичность индивидуально, опосредовано широким спектром порой весьма вариативных интересов. И задача социализации молодежи, а в последующем – результативного и прогрессивного содействия её самореализации заключается в том, чтобы многообразие по содержанию индивидуальных идентичностей, по форме интегрировалось в социальное единство граждан государства. Благоприятными процессы социализации и самореализации молодого поколения являются там и тогда, где и когда государство строит общественные отношения на принципах социально-справедливого экономического обмена, подкрепленного Конституцией, системой кодифицированного права, при консолидированности граждан, их этнической и конфессиональной толерантности. Это получается не всегда, и дисбаланс межпоколенческих отношений порождает такие массовые явления в молодежной среде, которые требуют изучения и коррекции в интересах восстановления равновесия в обществе.

Осознание важности научного подхода к интерпретации социальных проблем молодежи в опоре на социальные исследования в России произошло преимущественно в первом десятилетии XX в. в условиях активизации политических движений с участием молодежи [9]. Это был период начала интенсивной индустриализации и урбанизации, приведших к усилению классового расслоения и распаду традиционных патриархальных связей, в том числе семьи. Неслучайно П. Сорокин посвятил распаду рос-

сийских семейных традиций, вопросам целесообразности расширения роли государства, опекунских организаций в воспитании, профессиональной подготовке детей отдельную работу [10]. С ростом числа профессиональных образовательных учреждений и численности студентов в них исследователи стали уделять внимание проблемам быта, бюджетов учебного и внеучебного времени, материального положения студентов [11].

Хотя ломка социальной структуры и устоявшихся традиций, особенно семейных, составляющих важную опору равновесия общественных отношений, всегда сопровождается социальным недовольством, самодержавие, провозглашавшее себя гарантом традиционных устоев российского общества, не предпринимало усилий для стабилизации в этой сфере, обоснованно считая происходящие изменения, как показал В. Ленин в работе «Развитие капитализма в России», закономерным следствием принятых в 1861 г. реформ в виде отмены крепостного права. Поэтому государственные органы основное внимание уделяли социальным исследованиям девиации молодежи в связи с дестабилизацией промышленного производства, снижением качества труда, ослаблением российской армии [12]. Обеспокоенность власти по поводу последнего наглядно звучит в высказывании Н. Григорьева: «Здоровье молодежи, призванной к отбыванию воинской повинности, есть показатель здоровья страны, показатель ее общественно-санитарного благоустройства» [13]. О масштабах неблагоприятного положения в армии свидетельствуют данные официальной статистики: из 227158 призывников 1902–1904 гг. по причине наследственного алкоголизма было выбраковано 19,5% [14]. В этот период в России молодежь в возрасте до 24 лет составляла более половины больных алкоголизмом [15]. Более того, по данным исследования, проведенного в российских школах в 1907 г., 43,7 % учащихся регулярно потребляли спиртные напитки [16]. Согласно обследованию, проведенному А. Коровиным среди 22617 деревенских детей семи-восьми лет, 61,2 % мальчиков и 40,9 % девочек потребляли алкогольные напитки.

Внимание исследователей также было направлено на проблему суицида среди молодежи, причиной которого чаще всего становилось пьянство [17].

После начала Первой мировой войны (1914 г.) исследования проблем молодежи в России практически прекратились и не возобновлялись до окончания Гражданской войны (1922 г.), т. е. до момента вовлечения населения в восстановление экономики государства. Это была уже иная страна, по идеологическим принципам не провозглашавшая продолжение капитализации экономики (не считая кратковременного эпизода в форме новой экономической политики (НЭП – 1921–1928 гг.)), однако принявшая программу ее индустриализации, предполагавшую одновременно подготовку квалифицированных рабочих и инженеров. Поиск источников

средств для реализации программы индустриализации в преимущественно крестьянской стране логически привел власть к идее коллективизации средств производства на селе [18].

В 1920-х гг. это были преимущественно перспективные планы, и степень творческой свободы в их реализации, как и энтузиазм молодежи, была достаточно велика.

1920-е гг. В этот период реализация плана индустриализации предполагалась демократическим путем, что и продемонстрировала НЭП. Однако по причине слабости российской буржуазии, возможности которой ограничивались преимущественно торговлей и ремеслом, страна все в большей степени подпадала под власть иностранного капитала [19], вытеснение которого потребовало административных мер, постепенной самоизоляции страны и реализации политики опоры на собственные силы. В переходный период от относительной демократии к политической диктатуре – в 1921–1929 гг. – российские социологи проявили творческую активность, преимущественно в области прикладных исследований, в том числе проблем молодежи, благо в этом их новая власть поддерживала и организационно, и финансово. Оценивая данный период, А.В. Луначарский писал: «Наша страна хочет познания, кто такие «мы», что такое Советский Союз... куда он продвинулся за 10 лет... пролетариат хочет познать различные элементы нашего общества, как видоизменяется лицо советской деревни, как растет отсталая часть пролетариата, что делает сейчас мещанин, как воспитывается в новой жизни молодежь мужская и женская, разных категорий, направлений и темпераментов... Об этом говорят публицисты, ученые-социологи, экономисты, об этом говорит статистика» [20]. К сожалению, оптимистическое высказывание А. Луначарского оказалось «лебединой песней» российской прикладной социологии, да и теоретической социологии как науки тоже. Но за этот краткий период российские социологи, специализировавшиеся в области социальных проблем молодежи, успели немало.

Много было проведено исследований профессионального становления и трудовой адаптации квалифицированной рабочей молодежи, востребованной восстанавливавшимися и строившимися вновь предприятиями [21].

Наряду с изучением условий труда молодежи закономерно возникла потребность в изучении условий ее рекреации в период досуга [22].

Привлечение молодежи в образование выдвигалось советским правительством в качестве одной из главных социальных задач. Поэтому много социологических исследований было посвящено нагрузке и свободному времени школьников и студентов [23].

Страна строилась не только по новым принципам экономических отношений, но и по новой идеологии. При этом в начале XX в. происхо-

дило интенсивное развитие средств культурного и идеологического воздействия на массы, в первую очередь – на молодежь. Советская власть придавала большое значение этим средствам в деле идеологического формирования массового сознания. Сообразуясь с этой задачей, социологи уделяли много внимания исследованию роли кино, книг, прессы в формировании духовного облика советской молодежи, становлению ее мировоззрения [24].

Условия труда крестьянской молодежи, в отличие от городской рабочей молодежи, изучались мало. Исследования крестьянской молодежи были посвящены в основном вопросам культурного развития и деревенского алкоголизма (например, проведенное А. Коровиным обследование 4376 детей и подростков сибирских деревень в 1924–1925 гг.) [25].

Сохраняла свою актуальность проблема беспризорности среди молодежи. Эта категория молодежи, по официальным данным, составляла в СССР в 1923 г. от 4 до 6 млн человек [26].

Внимание исследователей стала привлекать молодежная наркомания [27]. В начале 1920-х гг. доля несовершеннолетних, потреблявших наркотики, достигла 10 % от их общего числа; большая часть наркоманов-кокаинистов была моложе 20 лет [28].

С усложнением международной обстановки, приведшей к милитаризации экономики СССР и укреплению директивных методов управления, потребность власти в эмпирической социологической информации отпала, над молодежью был установлен тотальный государственный контроль. «Гражданский облик» этому контролю придавали комсомольская и пионерская организации, призванные ассоциировать детей, подростков и молодежь в «самоорганизующиеся» сообщества, в основном политизированные, функционировавшие по интересам. В последнем случае широко использовались образовательные учреждения и дома пионеров, создаваемые государством общественные площадки, стадионы, парки, клубы, полигоны, летние детские и молодежные лагеря. Комсомол и Союз пионеров инициировали и поддерживали массовые спортивные и культурно-оздоровительные движения, художественное и техническое творчество, патронажное и экологическое, военно-патриотическое движения молодежи. Организация этих движений была нормативной в масштабах всей страны, опиралась на незыблемые государственные стандарты, и автономия допускалась только в рамках местной «соревновательности». Эти молодежные организации осуществляли и этический контроль, в целом с несомненной пользой для нравственного облика молодежи, но часто доходивший до мазохизма в форме самоистязания «идейно провинившегося» (это покаяние называлось самокритикой) либо в форме истерической обструкции со стороны сверстников (это называлось конструктивной критикой).

В 1929–1933 гг. еще издавались некоторые работы по социальным проблемам молодежи, однако они отражали в основном результаты более ранних исследований или базировались на официальной статистике. В целом же социологическая наука взяла крен в сторону социогграфии, широко использовавшейся социологами стран Европы с конца XIX – начала XX в. как метод монографического описания быта крестьян и рабочих. Однако социальное содержание социогграфии начала 1930-х гг. в СССР было выхолощено, спроецировано на территориальный объект, и она стала называться краеведением [29], этим подчеркивая свою провинциально-патриотическую направленность. Иногда выходили в свет статистические сборники о молодежи [30].

Послевоенный период. Военные годы и первое десятилетие восстановительного периода (1941–1955 гг.) не выдвигали потребности в социальной информации оперативного характера, так как снижение численности населения нивелировало потенциальную конкуренцию между поколениями, более того, многие среди молодежи после окончания 7-го класса уходили работать на предприятия, продолжая обучение в вечерней средней школе. Ротации кадров, по сути, не было, был большой дефицит кадров, и партийные комитеты продвигали молодежь по служебной лестнице, даже вопреки их собственному желанию, мотивированному недостатком образования. Педагогические вузы студенты заканчивали за три года, но и в этом случае учителей не хватало, особенно в аграрных регионах страны.

Отсутствие напряженности между поколениями по поводу воспроизводства социальной структуры, благоприятные условия профессиональной карьеры позволили советской власти (период Н. Хрущева) внести в социалистическую политическую систему некоторые элементы демократии, поэтому данный период иногда называют «политической оттепелью» (1956–1964 гг.). Именно на него приходится возрождение социологии в СССР. По масштабам это было не более чем возрождение одной из отраслей марксистского обществоведения, и не было связано сугубо с молодежью. Однако во всех исследованиях, проводившихся социологами в начале 1960-х гг. и опубликованных ими в изданиях преимущественно в середине 1960-х гг., молодежь выделялась как специфическая группа, обладающая некой субкультурой, а посему заслуживающая автономного анализа, более того, в сравнении со старшим поколением. Таковыми были первые опросы общественного мнения, проводившиеся Б. Грушиным в Институте общественного мнения «Комсомольской правды» (Москва), исследование художественной культуры Л. Коганом (Свердловск), исследования проблематики отношения к труду на предприятиях – В. Ядовым и А. Здравомысловым (Ленинград), читателей прессы и журналов – В. Шляпентохом (Новосибирск, Москва), зрителей телевидения – Б. Фирсовым;

образа жизни сельчан – Ю. Арутюняном, проблем семьи и нравственности – А. Харчевым, разработка концепции социологии личности – И. Коном и В. Ольшанским, изучение структуры свободного времени – Г. Пруденским, жизненного пути поколений – В. Шубкиным, В. Лисовским, Б. Урланисом [31]. Да и другие социологи объект своих исследований в обязательном порядке сегментировали по возрастным группам, обращая внимание на вариацию показателей, присущую молодому поколению.

Сложившуюся в советской социологии тенденцию рассматривать молодежь как активного субъекта общественных отношений, а не как пассивный объект идеологического воздействия, уже было невозможно вытеснить из советского обществоведения. Эта парадигма к началу 1970-х гг. прочно утвердилась и в научной культуре многих теоретиков, содействовавших ее легитимизации в социологии посредством институционализации феномена «общественное мнение» [32]. В этот период уже и молодежь часто выступала как автономный объект социологического исследования [33].

Была и иная группа обществоведов, которая рассматривала молодежь не как объект исследования для учета ее мнения и на этой основе *координационного взаимодействия* с ней в интересах социальной стабильности, а как *объект директивного воздействия*. Предметом преимущественно теоретических изысканий этих обществоведов были формы и способы манипулирования сознанием и общественным мнением молодежи в опоре на средства массовой информации и коммунистические детские и молодежные организации. Речь идет не об исследователях, специализировавшихся в области педагогики, среди них как раз проявлялось стремление использовать методы прикладной социологии для объективации педагогических знаний [34], а о той группе, которая сформировалась преимущественно из комсомольских и пионерских руководителей, чья карьера оставалась на полпути из-за начала «затора» в кадровом составе властных структур.

Отсутствие продвижения по вертикальной карьерной лестнице «вышедших из возраста» комсомольских руководящих работников привело к тому, что их стали направлять в аспирантуру по гуманитарной специализации, прежде всего в партийные высшие образовательные учреждения, а также в Высшую комсомольскую школу (ВКШ) при ЦК ВЛКСМ [35]. Для этой категории выпускников аспирантуры в ВКШ был организован Научно-исследовательский центр (НИЦ), специализировавшийся по молодежной (точнее, по комсомольской) проблематике. Здесь головной считалась «научная» специализация в области совершенствования идеологического влияния комсомола и пионерской организации на молодежь. Собственно социологией занимался один отдел, выполнявший проекты по исследованию отношения рабочей и крестьянской молодежи к труду. В

последующем тематика социологических исследований была расширена и включала проблематику политической активности молодежи. Исследования, проводившиеся сотрудниками НИЦ, по причине идеологической насыщенности понятий, использованных в социологических анкетах в качестве индикаторов, носили преимущественно схоластический характер. На основе полученной информации сотрудники делали выводы не о реальных социальных тенденциях в молодежной среде, а идеологически дозволенные констатации, непригодные для практического применения. Качество этих исследований было низким, в том числе по причине отсутствия у исследователей профессионального социологического образования [36].

Остальные направления научной работы в НИЦ ВКШ практически не имели отношения к социологии и были посвящены в основном поиску путей повышения эффективности идеологического воздействия комсомольских и пионерских организаций на молодежь в интересах консервации геронтократической системы власти и распределительных отношений. Полностью контролируемая властью общественная наука о молодежи, практиковавшаяся преимущественно досрочно выбывшими из карьерного роста комсомольскими работниками, допускала только поиск методов идеологического воздействия на молодежь в духе официально кодифицированных коммунистической партией «моральных принципов молодого строителя коммунизма». Это был поиск «рецептов» идеологического манипулирования массовым сознанием молодежи, способных заменить в атеистическом государстве насильственно отчужденную церковь [37].

В середине 1980-х гг. в НИЦ ВКШ был разработан проект закона о молодежи для социалистических условий как потенциального *инструмента директивного принуждения* [38]. Этот проект, как и все остальные исследовательские проекты НИЦ ВКШ, в социальной практике оказался бесполезным, тем более после «ропуска» советской системы.

По индивидуальной инициативе и в «индивидуальном исполнении» пришедшим в 1978 г. в НИЦ ВКШ на работу Ф. Шереги при партнерском взаимодействии с М. Горшковым практиковались на профессиональном уровне социологические исследования проблем молодежи, в целом несвойственные этому учреждению. Уже в 1977 г. М. Горшковым была выдвинута концепция, что и в условиях социалистической системы правомерно говорить об общественном мнении молодежи как активном субъекте жизнедеятельности общества, поэтому следует признать актуальным и полезным для органов социального управления изучение общественного мнения молодого поколения. В качестве индикатора был выбран XVIII съезд комсомола как событие, генерировавшее в то время повышенное внимание молодежи к собственным проблемам и перспективам их решения. На базе НИЦ ВКШ впервые в истории СССР в общесоюзном масштабе было реализовано изучение динамики общественного мнения мо-

лодежи. Методика измерения динамики общественного мнения основывалась на проведении трех повторных исследований: соответственно до, в период проведения и после съезда комсомола.

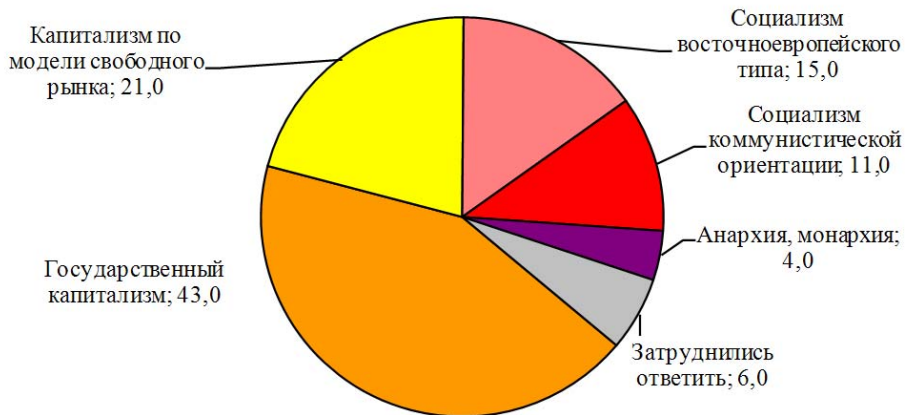
В условиях брежневского «застоя» съезды комсомола озвучивали идеологические концепции работы с молодежью на очередные пять лет. Отношение к материалам съезда являлось важным индикатором состояния массового сознания советской молодежи, ее политических установок и в целом равновесия межпоколенческих отношений. Проводившиеся авторами опросы общественного мнения молодежи в период проведения XVIII – XXI (1978–1991 гг.) съездов ВЛКСМ показали, что вплоть до середины 1980-х гг. идеологические установки молодежи в целом соответствовали ожиданиям коммунистических идеологов [39]. Именно поэтому комсомол при помощи патриотических лозунгов был в состоянии мобилизовать большие массы молодежи для решения экономических задач государства [40]. Интерес молодежи к затрагивающим ее судьбы вопросам, звучавшим на съездах, был высок: с той или иной степенью глубины с материалами съезда знакомились 80–90 % молодежи. Последний показатель характерен для XX съезда, проводившегося в условиях «перестройки». В этот период в массовом сознании советской молодежи приобрели высокую актуальность проблемы, звучавшие также на съезде: борьба с засильем государственной бюрократии, необходимость углубления демократии в комсомольских организациях.

Вместе с тем данные опроса общественного мнения молодежи о съезде комсомола в 1987 г. (XX съезд) свидетельствовали о глубоком кризисе в этой общесоюзной молодежной организации. В унисон объявленной коммунистической партией политике «перестройки» социально-экономических отношений должен был «перестраиваться» и комсомол, однако, согласно данным опроса, постепенный отказ от принципов авторитарной работы с молодежью в этот период был характерен только для 35 % комсомольских организаций.

Ко времени проведения XXI съезда ВЛКСМ (1991 г.) для массового сознания советской молодежи было характерно полное идеологическое «брожение», порожденное банкротством коммунистической идеологии, ухудшением материального положения молодежи (согласно исследованию, в целом по массиву у 59 %, а среди рабочей молодежи – у 71 %), усилением сепаратистских унастроений в союзных республиках. Социально-экономические реформы в СССР достигли той стадии неопределенности, которую принято называть «распутьем». Старшее поколение само находилось в состоянии кризиса: экономика «уснула» в стагнации, сельское хозяйство разваливалось, а село «тонуло» в пьянстве, торговля приблизилась к «нулевой отметке»; советская массовая культура стала трансформироваться в «торгаша», нравственный облик общества деградировал,

а коммунистическая партия все более увязала в идеологических дебатах. В стране стала процветать коррупция. Два поколения – старшее и молодое, генетически призванные взаимодействовать в обеспечении динамизма социальной структуры, оказались разделенными и обреченными на самостоятельный поиск пути для выживания. В итоге для большинства советской молодежи стали характерны уныние и пессимизм. Результаты опроса показали: 64 % молодых людей придерживались мнения о том, что «перестройка» в том виде, как она задумывалась коммунистической партией, потерпела крах, противоположное мнение было только у 14 %. Стало усиливаться протестное настроение молодежи: 61 % заявили, что терпеть дальше нельзя, и еще 24 % были готовы терпеть не более 2–3 лет. Для 45 % молодежи стали явными признаки будущего распада СССР. Обострение конфликта поколений заявило о себе в форме резкого роста доли молодежи, высказывавшей полное недоверие основным органам власти и социальным институтам: правительству СССР – 50 %, милиции – 48, Верховному Совету СССР – 46, органам территориального управления (местным советам) – 41, КГБ – 40, армии – 36, органам юстиции – 35 %. Доля молодежи, выражавшей доверие коммунистической партии, составляла всего 8 %, но и новоявленным оппозиционным партиям не превышала 5 %; Народному фронту – 11 %, комсомолу – 11, профсоюзам – 15 %. Таким образом, в массовом сознании советской молодежи зарождался социальный нигилизм, но утверждать, что у нее вообще отсутствовали какие-либо конкретные установки по поводу предпочтительного политического устройства реформирующегося СССР, нельзя. На рисунке виден показатель значительной доли молодежи (64 %), позитивно воспринимавшей рыночные отношения. Среди молодой интеллигенции доля такой молодежи была еще больше (78 %).

Следует заметить, что еще в конце 1950-х гг. в селах за счет значительного роста численности молодежи, родившейся после войны, впервые заявила о себе проблема избытка трудовых ресурсов. В 1959 г. численность молодежи в возрасте 15–29 лет составляла 31,1 млн. человек, при этом 43,7 % из них проживали в селах [41]. Чтобы избежать чрезмерной нагрузки на колхозы по содержанию сельского населения из-за роста численности нетрудоустроенной молодежи, КПСС реанимировала идею 1920–1930-х гг., получившую идеологическое воплощение в романе Николая Островского «Как закалялась сталь», – ударные комсомольские стройки. Первый массовый десант молодежи был направлен по призыву комсомола в Казахстан на целинные земли. В результате этой акции и иных массовых форм регулируемой властью целевой трудовой миграции молодежи к 1970 г. доля молодых людей, проживающих в сельской местности, уменьшилась до 29,2 %.

Мнение советской молодежи в 1991 г. о том, какая политическая система предпочтительна для СССР в перспективе, %

Практика регулирования баланса трудовых ресурсов путем вынужденной территориальной миграции молодежи действовала до конца 1980-х гг. Ее дополнял массовый рекрутинг молодежи на машиностроительные, автомобилестроительные заводы, ткацкие фабрики – это так называемые «лимитчики» [42], по условиям контракта проживавшие в городах и работавшие на предприятиях не менее 10 лет, чтобы получить право (прописку) в последующем постоянно проживать в данном городе.

Регулируемая миграция внесла динамизм в жизнь молодежи, и координировать ее поведение централизованно стало труднее. Появились первые признаки напряженности с трудоустройством молодежи, что потребовало увеличения срока обучения (в 1962 г. вместо 10-летней была введена 11-летняя средняя школа, а 7-летка стала 8-летней). Были упразднены 3-летние учительские институты, вместо них учредили педагогические институты с 5-летним сроком обучения. Кроме того, учителей стали готовить и в университетах, где срок обучения также длился 5 лет. Чтобы избежать перепроизводства невостребованных технических специалистов, в технических вузах в массовом масштабе стали готовить специалистов с абстрактным названием «инженер», которые в последующем на предприятиях работали инженерами по технике безопасности труда, качеству продукции, стандартам, а с конца 1970 г. даже заводскими социологами. Они же направлялись на субботники, праздничные демонстрации, в разгар сезона полевых работ – в колхозы и совхозы в помощь крестьянам для уборки урожая; в зимний период – на городские овощные базы перебирать овощи или на уборку снега на территории предприятия. Более того, по причине перепроизводства инженеров и низкой заработной платы с конца 1970-х гг. было разрешено использовать их труд на квалифицированных видах производственных работ (токарь, слесарь, многостаночник и др.).

Желая придать этому явлению позитивный смысл, советские идеологи (в том числе и ряд известных социологов, например, Ю. Волков, Ф. Филиппов) стали обосновывать правомерность введения понятия «рабочий-интеллигент». Призыв юношей на срочную службу в Советскую Армию осуществлялся почти «поголовно» [43] на три года, и лишь в 1966 г. этот срок был сокращен до двух лет.

Политика добровольно-принудительной миграции молодежи в интересах перераспределения трудовых ресурсов из трудоизбыточных в трудонедостаточные регионы СССР одновременно означала перераспределение социальных фондов, так как в социалистической системе доля перераспределения потребительной части национального продукта в натуральной форме была очень велика. Реализуемая под патронажем комсомола миграционная политика коммунистической партии по направлению молодежи из союзных республик на ударные комсомольские стройки экономически была нерентабельной, а также не достигала намеченных политических целей закрепления молодежи в экономически осваиваемых новых регионах. На основании искаженных отчетов административных работников представители союзных органов власти не могли получить объективной картины адаптации молодежи на осваиваемых территориях. По этой причине в НИЦ ВКШ в 1981 г. впервые поступил политический заказ на социологическое изучение условий труда и быта строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) [44]. Реализацией проекта руководил Ф. Шереги.

Жесткое административное закрепление населения СССР в поселениях проживания делало невозможным естественную миграцию, т.е. только по собственному желанию молодежь не могла покинуть регион постоянного проживания, даже если росла социальная напряженность из-за отсутствия благоприятных условий трудоустройства и снижения уровня социальной защищенности. Как показали результаты исследования, по этой причине политическая значимость комсомольских ударныхстроек выходила далеко за рамки целевого переселения молодежи из трудоизбыточных в экономически вновь осваиваемые регионы. Стали появляться признаки нарастания напряженности между центральной властью и союзными национальными республиками по причине скудости социальных фондов и ущемления экономических интересов молодежи, столкнувшейся с трудностями профессиональной и социальной самореализации.

Исследование мотивации приезда молодежи на ударные стройки свидетельствует о том, что материальные интересы играли второстепенную роль в принятии ими решения об участии в целевой миграции [45]. В чрезвычайно трудных климатических условиях зоны строительства БАМа средний заработок молодежи всего в 1,6 раза превышал средний заработок в аналогичной отрасли в климатически благоприятных европейских регионах страны, на КАТЭЖе – всего на 10 %, а на Атоммаше он был на 17 %

ниже среднего по стране. Как свидетельствуют данные таблицы, на ударные стройки из союзных республик стремились в основном русские и представители этнических групп, не входившие в состав титульных.

**Национальный состав мигрантов, прибывших на ударные стройки
из различных республик и регионов СССР в 1981–1983 гг., %**

Республики и регионы выхода мигрантов	БАМ (1981)			Атоммаш (1982)			КАТЭК (1983)		
	русскоязычные	в т.ч. русские	коренной национальности*	русскоязычные	в т.ч. русские	коренной национальности*	русскоязычные	в т.ч. русские	коренной национальности*
Дальний Восток	95,6	84,4	2,2	95,0	85,0	-	100,0	75,0	-
Восточная Сибирь	95,9	86,5	3,5	97,4	86,7	1,3	98,0	86,4	1,4
Западная Сибирь	97,5	85,1	0,6	-	-	-	98,9	83,5	1,1
Урал	98,3	67,4	-	93,0	79,5	-	90,9	54,5	-
Европейская часть РСФСР	98,0	84,4	-	97,1	83,3	-	97,2	67,9	-
Украина	39,8	32,2	58,8	37,1	34,5	62,0	41,1	41,1	51,8
Молдавия	52,3	20,7	45,9	-	-	-	44,0	20,0	56,0
Белоруссия	29,9	17,8	67,3	30,0	20,0	67,5	22,2	22,2	77,8
Республики Прибалтики	52,0	44,0	40,0	61,5	53,8	30,8	41,0	27,3	54,4
Республики Кавказа и Закавказья	62,8	55,8	36,0	74,7	65,6	23,7	48,7	20,5	51,3
Республики Средней Азии	95,5	67,6	2,7	67,0	44,4	27,4	100,0	66,7	-
Казахстан	91,1	57,6	7,4	82,9	63,8	12,8	96,1	65,4	-

* – представители малых коренных народностей, населявших СССР.

Примечания

1. См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.
2. С позиции социологии как науки словосочетание «социология молодежи» в названии учебников является некорректным, например:

Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи: учебное пособие. Екатеринбург; Н. Тагил, 1995; Социология молодежи: учебник / отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб., 1996; *Ковалева А.И., Луков В.А.* Социология молодежи: Теоретические вопросы. М., 1999; *Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Кадария Ф.Д. и др.* Социология молодежи: учебное пособие. Ростов н/Д, 2001; *Чупров В.И., Зубок Ю.А.* Социология молодежи: учебник. М., 2011.

3. Можно говорить о теории молодежи при концептуальном моделировании процесса ее социализации или самореализации; традиционно эту теорию можно назвать, как предлагает ряд обществоведов, ювентологией, наподобие успешно используемого обществоведами понятия «геронтология». См.: *Павловский В.В.* Ювентология. Проект интегративной науки о молодежи. М., 2001; Основы ювентологии. Опыт комплексного междисциплинарного исследования / науч. ред. Е.Г. Слуцкий. СПб., 2002.

4. См.: *Шубкин В.Н.* Социологические опыты. Методологические вопросы социальных исследований. М., 1970; Его же. Социология и общество: научное познание и этика науки. М., 2010.

5. Группа в возрасте 15–29 лет, в России конвенционально отнесенная к понятию «молодежь», в настоящее время составляет 32,1 млн. человек. Образование в России 2011: стат. сб. М., 2011, С. 23, 25.

6. Там же. С. 58, 397, 448, 506.

7. Российский статистический ежегодник. М., 2011. С. 117.

8. Если учесть срок обучения молодежи в общеобразовательных учреждениях и профессиональных образовательных учреждениях всех уровней, а также ту часть молодежи, которая включается в производственную деятельность, не имея полного среднего или профессионального образования, то «образовательная задержка» молодежи займет в среднем 13,5–14 лет, и на полное замещения ею занятого населения требуется максимум 30 лет. В таком случае все занятое население должно выходить на пенсию в возрасте 50–55 лет. Это свидетельствует о наличии определенного давления со стороны молодого поколения на социально-профессиональную структуру старшего поколения, что вынуждает государство в какой-то мере задерживать начало вступления молодежи в трудовую жизнь (служба в армии, увеличение срока обучения в вузе за счет открытия магистратуры, увеличение численности обучающихся в аспирантуре и др.).

9. В России в 1909 г. впервые было организовано скаутское движение патриотической направленности, которое интенсивно развивалось в годы Первой мировой войны. Осенью 1917 г. в стране насчитывалось 50 тысяч скаутов в 143 городах. Скаутские отряды существовали в России до 1924 г., когда их влили в пионерскую организацию.

10. См.: *Сорокин П.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 1; *Рубинштейн М.* Кризис семьи как органа воспитания // Вестник воспитания. 1915. № 3.

11. См.: *Сперанский А.* Кризис русской школы // Звезда. 1912. № 9; К характеристике современного студенчества. По данным переписи 1909–1910 гг. в Петербургском технологическом институте. 2-е изд. СПб., 1911.

12. Все это явилось причиной принятия в России в 1914 г. запрета на производство и распространение алкогольных напитков.

13. *Григорьев Н.И.* Алкоголизм как общественное зло. СПб., 1909. С. 16.

14. Там же. С. 9.

15. *Коровин А.М.* Опыт анализа главных факторов личного алкоголизма. М., 1907. С. 57.

16. Там же. С. 90.

17. См.: *Бернацкий В.А.* Самоубийство среди воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1891; *Майзель И.Е.* Самоубийство среди учащихся // Вестник воспитания. 1908. № 8; *Гордон Г.* Самоубийство в средней школе // Образование. 1909. № 3; *Феноменов М.Я.* Причины самоубийств в русской школе. М., 1914.

18. Согласно данным переписи, даже в 1926 г. доля сельского населения в СССР составляла 82,2 %, и только к 1939 г. этот показатель снизился до 65,9 %. Российский статистический ежегодник: 2011... С. 77.

19. В период НЭПа (1921–1929 гг.) в СССР крупным иностранным компаниям было выдано 350 концессий, в ряде отраслей добычи цветных металлов иностранные концессии присутствовали более чем в 80 % предприятий. Велика была их доля также в капитале предприятий легкой промышленности, оптовой торговли. Отдельные концессии просуществовали до середины 1930-х гг. См.: *Хромов С.С.* Иностранные концессии в СССР: Исторический очерк. Документы. Т. 1, 2. М., 2006.

20. *Луначарский А.В.* Искусство и молодежь. М., 1929. С. 68.

21. См.: *Блинов Н.М.* Социологические исследования труда и воспитания молодежи 20-х годов // Социологические исследования. 1975. № 1; *Дунаевский Ф.Р.* Проблемы профессионального подбора. Харьков, 1923; *Куркин П.И.* Московская рабочая молодежь. Вып. 1. М., 1924; Вып. 2. 1925; *Шварц Г., Зайцев В.* Молодежь СССР в цифрах. М., 1926; *Арямов И.А.* Рабочий подросток. М., 1928; *Колодная А.И.* Интересы рабочего подростка. М., 1929.

22. См.: *Бернштейн М.С.* Как поставить учет бюджета времени нашей молодежи. М.; Л., 1925; *Зайцев В.А.* Труд и быт рабочих подростков. М., 1926; *Кац Я.Д.* Труд и быт рабочих подростков Сибири. Новосибирск, 1927; *Бернштейн М.С.* Наша современность и дети (Материалы обследо-

вания 1921–1923 гг.). Л., 1928; *Коган Б.Б., Лебединский М.С.* Быт рабочей молодежи. М., 1929.

23. См.: *Мевзос Г.М.* К вопросу о нагрузке пионера. Хабаровск, 1925; *Танаевский В.А.* Бюджет времени вятского студенчества. Вятка, 1925; *Бурдянский И.М., Юровская М.А.* Рабочая нагрузка студента Татарского коммунистического университета. Казань, 1926; Труд, отдых, сон комсомольца-активиста. По материалам выборочного обследования бюджетов времени активных работников РЛКСМ. М.; Л.: 1929; *Бухгольц Н.А.* Бюджет времени подростка // Бюджет времени школьника. М.; Л., 1927; Труд и досуг ребенка / под ред. А. Гельмонта и М. Дурикина. М., 1927; *Бернштейн М.С.* Что школа делает для населения: Результаты всесоюзного обследования. М., 1927.

24. См.: *Коган В.* Советская социология печати в 20-е годы // Социологические исследования. Новосибирск, 1968; *Бек А.* Книга и рабочая молодежь // Рабочий читатель. 1925. № 10; *Люблинский П.И.* Методика социального обследования детства. М.; Л., 1928; Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М., 1928; *Колотинский П.Н.* Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов. Краснодар, 1929; Что читает рабочая молодежь. М., 1930; *Переплетчикова Л.С.* Читающая молодежь города. М.; Л., 1932; *Гельмонт А.М.* Изучение детского кинозрителя. М., 1933.

25. См.: *Банк Б., Виленкин А.* Крестьянская молодежь и книга (Опыт исследования читательских интересов). М.; Л., 1925; *Коровин А.М.* Опыты и наблюдения над алкоголем. М.; Л., 1929.

26. См.: *Маро (Левитина М.И.).* Беспризорные. Социология, быт. Практика работы. М., 1925, С. 52, 170-171.

27. См.: *Футер Я.* О детях – наркоманах // Московский медицинский журнал. 1925. № 10.

28. См.: Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. С. 222–224.

29. См.: *Большаков А.М.* Краеведческое изучение деревни. Л.; М., 1930; *Попов С.И.* Как приступить к изучению волости или района. М., 1930.

30. См.: Лицо ленинградского комсомола в цифрах. Л., 1930; Молодежь СССР: стат. сб. / под ред. А. Косарева. М., 1936.

31. См.: *Пруденский Г.А.* Время и труд. М., 1965; *Ольшанский В.В.* Личность и социальные ценности // Социология в СССР / ред. Г.В. Осипов. М., 1966; *Грушин Б.А.* Свободное время: Актуальные проблемы. М., 1967; *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967; Человек и его работа / под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина и В.А. Ядова. М., 1967; *Лисовский В.Т.* Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи. Л., 1968; *Лисовский В.Т.* Эскиз к портрету: жизненные планы, ин-

тересы и стремления советской молодежи. М., 1969; *Арутюнян Ю.В.* Опыт социологического изучения села. М., 1968; *Урланис Б.Ц.* История одного поколения (Социально-демографический очерк). М., 1968; *Шляпентох В.Э.* Методологические и методические проблемы исследования в социологии печати // Проблемы социологии печати. Вып. 1. Новосибирск, 1969; *Фирсов Б.М.* Ваше мнение о телевидении. М., 1969; *Шубкин В.Н.* Социологические опыты. М., 1970; *Коган Л.Н.* Художественная культура и художественное воспитание. М., 1979; *Харчев В.Г.* Нравственность и семья. М., 1981.

32. См.: *Уледов А.К.* Общественное мнение советского общества. М., 1963; *Грушин Б.А.* Мнение о мире и мир мнений. М., 1967; 47 пятниц. Вып. 1. Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов (программы и документы исследования). М., 1969; *Сафронов Ю.Н.* Общественное мнение и религиозные традиции. М., 1970; *Пронин Е.И.* Печать и общественное мнение. М., 1971; *Тарасенко А.А.* Общественное мнение и поведение личности. Минск, 1975; *Сафаров Р.А.* Общественное мнение и государственное управление. М., 1975.

33. См.: *Лисовский В.* Идеалы молодежи. М., 1962; *Иконникова С.Н., Лисовский В.Т.* Молодежь о себе, о своих сверстниках. Л., 1969; *Иконникова С.Н., Кон И.С.* Молодёжь как социальная категория. М., 1970; Мотивация жизнедеятельности студентов. Каунас, 1970; *Кочетов Г.М.* Профессиональные планы молодежи и их реализация. М., 1970; *Вершиловский С., Лесохина Л.* Молодежь в пути. М., 1971; *Кугель А.С., Никандров О.М.* Молодые инженеры. М., 1971; *Боряз В.Н.* Молодежь: Методологические проблемы исследования. М., 1973; *Иконникова С.Н.* Молодёжь. Социологический и социально-психологический анализ. Ленинград, 1974.

34. См.: *Гурова Р.Г.* Применение конкретных социологических методик в педагогических исследованиях. М., 1969; *Шубкин В.Н.* Начало пути. Проблемы молодежи в зеркале социологии и литературы. М., 1979.

35. Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи.

36. Проблема продолжающегося по сей день массового непрофессионализма в российской социологии приобрела особую актуальность после распада СССР. Спасая от безработицы огромный штат преподавателей советской системы образования, в первую очередь высшего профессионального, власти страны разрешили преподавателей и исследователей научного коммунизма, исторического материализма, научного атеизма, партийного и комсомольского строительства и т.д. переименовать в социологов и политологов. Как идеологи, в лучшем случае социальные философы, по природе не обладающие склонностью к социологии, в дальнейшем эти преподаватели и исследователи не содействовали повышению социологи-

ческой культуры, более того, содействовали и по сей день содействуют ее девальвации в большей степени, чем в советский период, когда они были в оппозиции к социологии.

37. Апологетическую направленность исследовательской работы НИЦ ВКШ вплоть до распада СССР да и в последующем наглядно иллюстрируют названия публикаций руководителя и одновременно ведущего исследователя этого учреждения И.М. Ильинского: Ленинский комсомол – верный помощник партии по коммунистическому воспитанию молодежи: претворение в жизнь ленинского завета «Учиться коммунизму» // Советская педагогика. 1979. № 11; Рекомендации по разработке перспективных комплексных планов комитетов ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи / отв. ред. Ильинский И.М., Мухачев В.И. М., 1979; Постигаемый идеал: о коммунистическом воспитании // Комсомольская правда. 1980; Научные исследования как фактор повышения эффективности деятельности ВЛКСМ // Коммунистическое воспитание молодежи: система, проблемы эффективности. М., 1980; Молодежь и социалистическая демократия // Агитатор. 1982. № 5; Комсомол в перестройке. М., 1987; Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3.

38. После примерно сотни подобных публикаций о коммунистическом воспитании молодежи комсомолом и ее обязанностью перед новой властью «перестроиться», т.е. адаптироваться к олигархическому (и коррумпированному) «рынку», закономерно следует итоговое заключение «ученого»: Чем младше, тем хуже: Каждое новое поколение в России менее здорово, менее развито умственно, духовно и культурно, чем предыдущее: беседа с ректором Московского гуманитарного университета (так теперь называется бывшая ВКШ при ЦК ВЛКСМ) И.М. Ильинским / записала А. Горчакова // Московский комсомолец. 2011. 27 июня.

39. См.: *Ильинский И.М.* Закон о молодежи: каким ему быть // Молодой коммунист. 1988. № 2; Его же. Имеем право!: Зачем нужен Закон о молодежи // Комсомольская правда. 1988. 22 янв.

40. О массовости комсомольского движения вплоть до конца 1980-х гг. свидетельствуют следующие данные. В 1988 г. в ВЛКСМ на учете состояли около 40 млн. комсомольцев (возраст – 14–28 лет); численность некомсомольцев того же возраста составляла 20 млн. человек. Общее число комсомольских организаций в 1980 г. – 439,2 тысячи, в 1988 г. – 472,6. Молодежь в СССР: стат. сб. М., 1988. С. 9, 39.

41. См.: *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Динамика общественного мнения молодежи // Социологические исследования. 1979. № 4; *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Динамика общественного мнения молодой научно-технической интеллигенции о политическом событии // Пути повышения трудовой активности молодой научно-технической интеллигенции. М., 1981; *Блинов М.Н., Шереги Ф.Э.* Средства массовой информации и фор-

мирование общественного мнения молодежи // Искусство воспитания. М., 1981.

42. Посчитано по: Российский статистический ежегодник. М., 2011, С. 77.

43. Речь идет о регулируемых государством квотах внутренних трудовых мигрантов для предприятий и строек крупных городов.

44. Исключением являлись студенты немногих столичных вузов, где имелась военная кафедра. Выпускники – юноши таких вузов призывались на срочную службу в армию на один год, после чего большинство из них получали чин офицера в запасе. В 1982 г. под руководством Ф. Шереги был реализован аналогичный проект на строительстве завода Атоммаш в г. Волгодонске, а в 1983 г. – на строительстве Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК).

45. См.: Железко С.Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. М., 1980; Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. БАМ: мотивы приезда строителей и их жизненные планы // Региональные проблемы социально-демографического развития. М., 1982; Воронов В.В., Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. БАМ: привлечение и закрепление кадров // Транспортное строительство. 1984. № 11; Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМа. М., 1985.

Окончание статьи в следующем номере.